Ночная прогулка не удалась. Или наоборот, удалась настолько, что я не знала, как этой нежданной удачей распорядиться.

Спина подстывала. Осенние вечера становились всё холоднее и холоднее, совсем скоро на северных склонах ляжет снег. Я пряталась в полуразрушенной башне. Старые развалины за опушкой леса никогда не были особенно популярным местом для развлечений, а по ночам и подавно.

В народе ходили байки про призраков псак и Дикую охоту Блау, что в особенно темные ночные часы старые неупокоенные духи выходят на охоту за чистыми душами, и с визгом и гиканьем проносятся по поместью и деревне.

Это полная чушь. Дядя не потерпел бы неупокоенных так близко к родовому источнику, да и эманации места были бы совершенно другими.

Светила полная луна. Снизу, за разбитыми щербатыми остатками ступенек в старую башню, можно было отчетливо разглядеть фигуры двух влюбленных голубков. Несчастные утки мандаринки. Или лебеди неразлучники? Нашли где устраивать свидание под покровом ночи.

Именно они и сорвали мне ночную тренировку.

Уже вторую луну я, уложив Нэнс малым исцеляющим, подкрепленным сонными чарами, выбиралась в лес. Мне нужно было понять, какие навыки у меня остались, и чем я могу пользоваться. При Наставнике и Ликасе открываться не хотелось, вдруг я спутаю, и пальцы сами выплетут что-нибудь из темного седьмого круга. Слишком сильны рефлексы, вбитые намертво.

Результаты были неутешительными. Тело тренировано слабо, пальцы негибкие, руки дрожат. Даже рунные круги у меня выходили криво и косо, и только со второго раза, а это первый курс. Но Блау не унывают, была бы возможность, а все остальное мы подтянем. Программу занятий я себе составила. Дядя со своим наказанием сыграл мне на руку, потому что я не знала, как объяснить свою внезапно вспыхнувшую любовь к учебе и тренировкам. Пока можно все валить на скорпиксов, тонкую психику светлой леди и активацию дара Блау, но это не надолго. Наставник далеко не дурак.

Место у меня было очень неудобное. Точнее, очень удобное для обзора и наблюдения, но крайне неудачное, чтобы его покинуть. Я была в ловушке. Бесшумно спуститься из разрушенной башни я не могла, левитация – это простите, к воздушным элементальщикам, а не ко мне. Мелкие камешки и гранитное крошево ступенек противно хрустели под ногами, поэтому я сидела и не двигалась. Тело начало затекать.

Голубки уходить не планировали.

Внизу под дубом, нежно приобняв тонкую талию одной рукой, сир-псаков-Квинт, увлеченно целовал мою дражайшую сестричку Айшу. И надо было признать, что выглядит стервец хорошо!

Света Луны вполне хватало, чтобы разглядеть тонкий плащ с капюшоном, подбитый мехом северной выдры, который крайне удачно оттенял светлые волосы Квинтов. Высокие сапоги, замшевые брюки и неизменный гладий, пристегнутый к поясу. Мне всегда было интересно, не мешает ли меч целоваться? У меня был разный опыт, но именно так, с гладием между ног…ведь через тонкое муслиновое платье можно очень отчетливо ощутить все продолговатые формы предмета.

Я замерзала. У меня совершенно затекли ноги, а руки без перчаток уже не чувствовали пальцы.

Если бы я планировала сидеть в засаде, я бы оделась потеплее.

И согревающее не наложить. Квинт с его пятым уровнем сразу почувствует возмущение силы в периметре.

Поцелуи перемежались совершенно бесполезными для меня ахами и вздохами. Нежными бормотаниями, вот уж не думала, что Дарин может быть настолько романтичным. И тупым.

Неужели он серьезно думает, что Айша влюблена в него по уши? Конечно, играет она отлично – глазки в пол, потеребить платочек, нежнейшее и наитемнейшее создание. Трепетная кобылка перед укротителем. Робкая лань. Инстинкты у Квинта работали на отлично, наверное этим и заловила – многие сиры свихнуты на идее «защищать».

Я была готова поставить свое родовое кольцо, что это не более чем большая игра. И Айша, и ее мамаша, моя драгоценная тетушка, совершенно не случайно затеяли ремонт менора именно этим летом, когда сира Квинта отпустили на каникулы из Академии. Как же – соседи, ну что стоит пососаться так, по-соседки, с богатым и перспективным молодым сиром, а то, что «почти-жених-почти-сестры» это дело десятое.

По крайней мере это многое объясняло. Поведение Квинта в прошлом всегда было отвратительным, но не всегда было объяснимым, но если в игру вступила Айша, это меняет всё.

Голубки нацеловались.

– Айша, милая, ты всё помнишь? – из рук Квинта в кармашек девичьего плаща перекочевал небольшой мешочек.

– Дарин, любимый, я сделаю всё, как ты сказал, – лекий робкий вздох, – но я очень боюсь….

– Не бойся, я с тобой. Если что, ты всегда можешь отправить мне вестника. Главное убедиться, что ваша служанка справится и сможет продолжать незаметно подсыпать этой в еду.

– Не беспокойся, я давно придумала, какое дело у нашей служанки на кухне – мне нужна изысканная еда, в этой провинции все просто отвратительно готовят, – Айша сморщила носик и усмехнулась.

Выходишь из образа, дорогая, выходишь из образа.

– Пообещай мне, что это ненадолго. Я уже не могу смотреть, как она везде говорит о том, что ты ее жених.

– Обещаю, милая, обещаю… Ты же видишь – ничего ее не берет. И даже стаю скорпиксов, тварь, пережила. Этот мусор не стоит, чтобы ты о ней думала, я всё улажу, нам нужно успеть…, – шептал между поцелуями, Квинт.

Пальцы так и чесались чем-нибудь их шарахнуть. Из того особого ассортимента чар с тонким целительским юмором. Например, спонтанное очищение кишечника. А что? Входит в базовую программу чар – очищение перед сложными полостными операциями. Я поморщилась. Эти спонтанные порывы и эмоциональные качели мне совершенно не нравились. Может быть и правда возраст накладывает такой сильный отпечаток, гормоны.

Великий, что в мешочке? Если они хотят подставить нашу кухарку, это слишком глупо. Все слуги поместья приносят кровную клятву роду и никто в здравом уме не поверит, что у кого-то получилось навредить Блау и остаться в живых. Клятва карает сразу. Значит это что-то условно опасное, что позволяет обойти запрет.

Хорошо, хотите сыграть? Сыграем. Только немного повысим первоначальные ставки. Все-таки Великий хранит меня!

Возвращалась в поместье я огородами, миновав садик Виртаса, с его особо целебными растениями, которые ну никак не могут произрастать нормально в нашем вредном, отравленном темными ядовитыми испарениями климате долины. Скользнула в маленькую калитку в стене и оказалась около конюшни.

Снаружи неярко горел ночной свет. В конюшне было тихо. Конюший спал, лошади фыркали и переступали копытами, шуршало сено. Я поладила по бархатному носу норовистого дядиного райхарца, почесала гривастого крепкого мохнатого иноходца, любимца Акселя, и нырнула в самое дальнее свободное стойло.

Зарылась в свежее сено, согреваясь, наслаждаясь родным запахом, который всегда дарил мне спокойствие. Мои лошадки. Это стойло скоро займет КисКис. Завтра придет вестник, что Хэсау задерживаются на декаду из-за прорыва грани, но ситуация окажется гораздо серьезнее, чем они сейчас считают, и мой норовистый подарок приедет только к середине зимы.

Сейчас КисКис ещё не знает про меня, и наверняка свободно носится на перегонки с ветром на высокогорных пастбищах Хэсау. Моя дикая прелесть, очень надеюсь, ты приснишься мне сегодня.

***

Старый конюх старательно делал вид, что его сморило. Но в своей конюшне мимо него и мышь не проскочит, шутка ли, проворонь кого – по голове не погладят. Поэтому, появлению маленькой госпожи он не удивился – слышал её шаги ещё от калитки, да и кони почуяли и взволновались.

Странные, надо сказать, шаги.

Ровные, четкие, экономные. Ни одно лишнего звука, ни одно лишнего движения. Так ходят в Сером переулке, где собираются наемники и всякий сброд. Осторожно, наступая не на всю стопу, все время на чеку. Уж он то такого насмотрелся в свое время, пока Блау не перекупили беглого аларийца, за то, что всегда лошадок любил и чувствовал лучше, чем людей.

А маленькая госпожа всегда ходила шумно, сразу заполняя пространство капризами и слезами, если что-то было не по её. Не была злой, нет. Лошадки это завсегда чувствуют. Но невыносимо громкой.

Да и разве раньше можно было представить, чтобы райхарец, да подпустил бы ее к себе?

Старик покачал головой.

Райхарцы они самую суть чувствуют, стержень. Да и не пойдет такой конь не под чью руку, кроме Хозяина, если признал – сира Кастуса. А тут, гляди, сам башкой боднул, под девчачью руку подставился. Чудны дела твои, Великий!

Маленькой, Вайю часто сбегала в конюшню. Поиграть. Поплакать. Пересидеть бурю. Поспать. Ещё пару годков назад старый конюх всегда держал про запас кулёк сластей с кухни, проверенный Нэнс. Но уже пару зим, как госпожа не приходила. Выросла, кивала на это головой Нэнс.

И вот, глядишь ты – пришла.

Старик прислушался. В дальнем стойле привычно шуршало сено. Поздно уже – надо бы тихонько разбудить с утра, чтобы не проспала свои утренние беганья. Или сказать кому?

Старик с удовольствием причмокнул губами, вспоминая налитую соком, полную, статную фигуру аларийки.

Пусть госпожа спит. Шутка ли вторую луну ночами шастает, но не его это дело.

Его дело – следить, чтобы все хорошо было, вот он и проследит – и за лошадками, и за маленькой госпожой, чтобы никакая мышь…

А утром уж он постарается, пошумит ведрами погромче, чтобы госпожа успела незаметно уйти, ведь сильно не любят господа, ежели их слабость кто видит, сильно не любят…

http://tl.rulate.ru/book/23579/486665